

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУДЕБНОЙ ДИСКРЕЦИИ И МЕТОДОВ ТОЛКОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ СУДОВ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

© 2023 г. Е. Б. Дьяченко

Суд Евразийского экономического союза, Республика Беларусь, г. Минск;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: DyachenkoEB@gmail.com

Поступила в редакцию 12.01.2023 г.

Аннотация. Ключевым элементом судебной деятельности является судебная дискреция, которая в интеграционных объединениях содействует восполнению правовых пробелов. Реализация судебного усмотрения приводит к формулированию судом интеграционного объединения активистских правовых позиций, основанных на уяснении норм действующего права, обращении к общепризнанным принципам и нормам международного права. Выявление «подразумеваемой» нормы интеграционного правового порядка осуществляется судом на основе телеологического метода толкования, предопределяющего особенности правовой аргументации. Границы судебного усмотрения формируются целями интеграционного правового порядка, включая общую направленность международных договоров на интеграцию государств, а также защиту прав человека и основных свобод.

Ключевые слова: судебная дискреция, судебный активизм, судебное толкование, телеологический метод толкования, правовая аргументация, Суд ЕАЭС, Суд ЕС, прецедент, интеграция, защита прав человека.

Цитирование: Дьяченко Е. Б. Взаимосвязь судебной дискреции и методов толкования в практике судов интеграционных объединений // Государство и право. 2023. № 8. С. 133–141.

DOI: 10.31857/S102694520027269-6

INTERRELATION OF JUDICIAL DISCRETION AND METHODS OF INTERPRETATION IN THE CASE-LAW OF COURTS OF INTEGRATION ASSOCIATIONS

© 2023 E. B. Diyachenko

Court of the Eurasian Economic Union, Minsk, Republic of Belarus;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: DyachenkoEB@gmail.com

Received 12.01.2023

Abstract. A key element of judicial activity appears to be judicial discretion, which is used to fill legal gaps in integration organisations. The exercise of judicial discretion leads to the formulation by an integration organization court of activist legal findings based on the interpretation of the applicable law and recourse to the generally recognised principles and regulations of International Law. The Court reveals the “implied” rule of an integration legal order on the basis of the teleological method of interpretation which predefines the special characteristics of the legal argumentation. The limits of judicial discretion are formed by the goals pursued by the integration legal order including the general thrust of the international agreements on achieving integration between states as well as protecting the fundamental rights and freedoms.

Key words: judicial discretion, judicial activism, judicial interpretation, teleological method of interpretation, legal argumentation, EAEU Court, European Court of Justice, precedent, integration, protection of human rights.

For citation: Diyachenko, E. B. (2023). Interrelation of judicial discretion and methods of interpretation in the case-law of courts of integration associations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 133–141.

Современное осмысление судебной деятельности предполагает обращение к теории судебного усмотрения (дискреции). В отечественной науке данная проблематика обсуждается в аспекте правоприменения судьями внутригосударственных судов¹ с акцентом на том, что у «четко выверенной формулы судейского усмотрения... есть сугубо прагматический аспект, позволяющий по объективному критерию быстро и в большинстве случаев объективно оценивать отношение судьи к принятому и провозглашенному им судебному акту»².

Исследование международных судов, и в особенности судов интеграционных объединений, практики толкования и применения ими правовых норм также ставит вопрос о судебной дискреции и ее взаимосвязи с правовой аргументацией.

Для Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд Союза), накопившего за восемь лет своей деятельности немалый эмпирический материал, проблема судебного усмотрения приобрела важное практическое значение ввиду необходимости определения лимитов восполнения пробелов в праве. С теоретических позиций значение данного вопроса находится в плоскости соотношения судебного усмотрения с активизмом, толкованием и аргументацией.

Исследование дискреции в практике Суда ЕАЭС и ее взаимосвязь с иными элементами отправления правосудия целесообразно проводить с использованием в качестве модели для сравнения опыта Суда Европейского Союза, предоставляющего богатый материал для анализа.

Доктринальный взгляд на судебную дискрецию

Отечественные исследователи склонны связывать судебное усмотрение с категорией «внутреннее убеждение судьи»³, исходить из того, что дискреция – это не что иное, как выбор варианта решения как минимум в пределах правовой нормы, как максимум – либо нормы права, либо принципов и общих начал при аналогии закона или аналогии права⁴. Отмечается, что правовые пределы судебного усмотрения, служащие одновременно гарантиями объективных суждений и оценок судей,

выражаются в правильном применении принципов и норм права, а также нравственно-правовых категорий⁵. Данный вывод целесообразно дополнить применением философско-правовых категорий и понятий, ограничивающих судебную дискрецию, которые «являются критерием оценки правовой системы, уровня ее гуманизации и прогрессивного развития»⁶.

В западноевропейской доктрине судебное усмотрение рассматривается как возможность выбора между двумя или более альтернативами, способами действий, каждый из которых следует признать законным или допустимым⁷. При таких обстоятельствах дискреция не существует, если законное решение проблемы лишь одно⁸.

Дискреция не реализуется в каждом деле, а уместна лишь в т.н. сложных делах⁹. В простых делах факты столь ясны, что требуют однозначного применения правовой нормы для решения вопроса. В сложных делах возможна ситуация, когда неясно, применима ли определенная норма к конкретному делу. Соответственно, перед применением данная норма должна быть истолкована¹⁰. И. Бенгётс дополняет характеристики сложных дел указанием на существование при их рассмотрении конфликта правовых норм, а также на отсутствие норм, на первый взгляд применимых для разрешения подобных дел¹¹. Если алгоритм рассмотрения простых дел состоит в выявлении нормы, требуемой для их разрешения, ее истолковании и формулировании вывода по делу, то при рассмотрении сложных дел подобной последовательности действий оказывается недостаточно – этапу применения правовой нормы должно предшествовать обоснование избранной судьей логики разрешения спора¹². Изложенное означает, что многозначность правомерного выбора

⁵ См.: Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012.

⁶ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 19.

⁷ См.: Hart H.M., Sacks A.M. The legal process: basic problems in the making and application of law. Cambridge, 1958. P. 162; Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 12.

⁸ См.: Cardozo B.N. The Growth of the law (цит. по: Барак А. Указ. соч. С. 12).

⁹ См.: Dworkin R. Law's empire. London, 1986. P. 95, 96.

¹⁰ См.: Feteris E.T. Fundamentals of Legal Argumentation: A Survey of Theories on the Justification of Judicial Decisions. NY, 2017. P. 3, 4.

¹¹ См.: Bengoetxa J. The legal reasoning of the European Court of Justice: towards a European jurisprudence. Oxford, 1993. P. 168.

¹² См.: Canor I. The limits of judicial discretion in the European Court of Justice. Baden-Baden, 1998. P. 20; Feteris E.T. Op. cit. P. 9, 10.

¹ См.: Берг Л.Н. Проблема судебного усмотрения в аспекте компаративистики // Академический юрид. журнал. 2007. № 4. С. 4–9; Клеандров М.И. О судейском усмотрении // Росс. правосудие. 2007. № 6 (14). С. 4–16; Телятников В.И. Убеждение судьи. СПб., 2004.

² Клеандров М.И. Указ. соч. С. 5. По вопросу о влиянии прецедентов на судейское усмотрение см.: Его же. Философия права и правосудие // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 171, 172.

³ Телятников В.И. Указ. соч. С. 94.

⁴ См.: Берг Л.Н. Указ. соч. С. 9.

способа разрешения правового конфликта является маркером существования судебного усмотрения¹³.

Одной из причин возникновения в судебной практике сложных дел следует признать пробельность правового регулирования. Несмотря на утверждение о том, что любая правовая система базируется на неопределенности¹⁴, ее наибольшие проявления свойственны праву интеграционных объединений. Во многом данное явление объясняется тем, что на наднациональный уровень передается регулирование весьма чувствительных отношений, которые ранее находились в суверенном ведении государств, что предопределяет сложность согласования воли стран — участниц переговорного процесса. Представляется, что для достижения консенсуса целесообразнее включить в международный договор неопределенную норму, чем не согласовать вопрос вовсе. В свете применения права интеграционных объединений, отличительной чертой которого является вовлечение в сферу его действия физических и юридических лиц¹⁵, также отмечается, что в ситуации, когда правовое регулирование касается взаимоотношений частных лиц и субъектов, наделенных публичной властью, предпочтительнее предоставить частному лицу неопределенное право, чем не предоставить его¹⁶.

А. Барак, анализируя формы, которые способна принимать неопределенность правового регулирования, выделяет неопределенность в языке, в подходах к толкованию, а также собственно пробелы в праве¹⁷. В исследованиях, посвященных праву интеграционных объединений на примере Европейского Союза, высказывается мнение о лингвистической неопределенности, представляющей собой: использование многозначных терминов; неопределенности, возникшей в результате изложения правового акта; намеренной неопределенности, представляющей собой результат недостижения согласия договаривающимися сторонами¹⁸.

Пробельность права интеграционного объединения может быть преодолена либо посредством уточнения соответствующего регулирования в актах вторичного права, либо за счет переноса

бремени интерпретации правовой нормы на суд такого объединения. Сам факт наделения международных судов правом толкования международных договоров объясняется тем, что государства как создатели договоров осознают их неполноту и необходимость восполнения пробелов¹⁹.

В ситуации устранения лакун посредством судебного толкования реализация судебной дискреции базируется на существовании в праве интеграционного объединения норм, интерпретация которых позволит устранить правовой пробел, а также наличием применимых общепризнанных принципов и норм международного права. При таких обстоятельствах судебный орган не создает новое положение права интеграционного объединения, а выявляет «подразумеваемую» норму из контекста действующего права, включая общее международное право, а также принимая во внимание цели объединения государств. Именно подобный подход к устранению правовых лакун и представление о том, что «участие международных судов в развитии международного права ни в коем случае нельзя приравнивать к правотворчеству законодателей»²⁰, позволяет утверждать, что судебный активизм не является правотворчеством и не имеет своей целью создание правовых норм²¹.

Наглядный пример соединения двух способов восполнения правовых пробелов демонстрирует опыт ЕС. В различных сферах общественных отношений выявлены случаи, когда рамочная норма учредительного договора конкретизируется в судебной практике, а результатом кодификации данной практики зачастую становится принятие акта вторичного права.

Директива ЕС 2004/38/ЕС от 29 апреля 2004 г.²² представляет собой результат обобщения практики Суда ЕС по вопросу гражданства²³. Схожим образом вопрос о распределении полномочий между Европейской комиссией и национальными ведомствами по конкуренции в части пресечения

¹³ См.: Дьяченко Е. Рабы прошлого, деспоты будущего? Прецедент как форма аргументации в судах интеграционных объединений // Международное правосудие. 2022. № 3 (43). С. 52, 53.

¹⁴ См.: Canor I. Op. cit. P. 21.

¹⁵ См.: Чайка К.Л. Защита прав частных лиц при применении норм права Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений // Вестник РТА. 2020. № 4. С. 26.

¹⁶ См.: Hartley T.C. Five forms of uncertainty in European Community Law // Cambridge Law Journal. 1996. Vol. 55. No. 2. P. 265.

¹⁷ См.: Барак А. Указ. соч. С. 68–119.

¹⁸ См.: Hartley T.C. Op. cit. P. 266–274.

¹⁹ См.: Hawkins D.G., Lake D.A., Nielson D.L., Tierney M.J. Delegation under anarchy: states, international organisations and principal-agent theory // Delegation and agency in international organisations / ed. by D.G. Hawkins, D.A. Lake, D.L. Nielson, M.J. Tierney. Cambridge, 2006. P. 17.

²⁰ Шинкаревич Г.Г. Международные судебные органы и развитие международного права // Росс. правосудие. 2009. № 1 (33). С. 45.

²¹ См.: Дьяченко Е. Судебный активизм и его роль в практике международных судов // Международное правосудие. 2020. № 2 (34). С. 107.

²² См.: OJ L 158/77. 30.04.2004.

²³ См.: Jesse M., Carter D.W. Life after the ‘Dano-Trilogy’: Legal Certainty, Choices and Limitations in EU Citizenship Case Law // European Citizenship under Stress / ed. by N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. Leiden, 2020. P. 151.

запрещенных деяний получил развитие в практике Суда ЕС, которая затем кодифицирована в Регламенте 1/2003 от 16 декабря 2002 г.²⁴ В данном контексте справедливо утверждение о том, что «практика Суда ЕС служит убедительным доказательством наличия в современном международном праве норм, созданных судами»²⁵.

Одновременно в правовом порядке ЕС существуют ситуации, регулирование которых осуществляется исключительно на основе актов его Суда, последовательно интерпретирующего неопределенные нормы первичного права. В частности, в учредительных договорах ЕС отсутствует понятие «работник», которое восполнено судебной практикой²⁶. Наглядным примером рамочного формулирования запретов служит ст. 101 Договора о функционировании ЕС (далее — ДФЕС), посвященная антиконкурентным соглашениям, но не конкретизирующая их. Соответствующая конкретизация осуществлена в актах Суда ЕС²⁷.

В аспекте первичного права Евразийского экономического союза отметим, что в отличие от учредительных договоров ЕС они представляют собой весьма объемные и конкретизированные документы²⁸. Обращение к нормам, регулирующим те же сферы общественных отношений, что и упомянутые нами нормы права ЕС, отличающиеся неопределенностью формулировок, показывает их большую конкретизацию. К примеру, положения п. 3, 4 ст. 76 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор о ЕАЭС, Договор о Союзе), аналогичные упомянутой ст. 101 ДФЕС, содержат закрытый перечень запрещенных антиконкурентных соглашений²⁹. Статья 96 Договора о Союзе подробно раскрывает понятие «трудящегося государства-члена», ограничивая судебную дискрецию при его толковании.

Судебное толкование как инструмент восполнения пробелов в праве

В ситуации пробельности права интеграционного объединения определяющее значение приобретают судебное толкование и аргументация.

Соотношение данных понятий заключается в следующем. Толкование рассматривается как деятельность судьи по выявлению содержания объекта и целей правовой нормы в интересах ее последующего применения³⁰. В свою очередь, аргументация — это этап, следующий за толкованием, представляющий собой обоснование, используемое для разрешения вопроса, который прямо не урегулирован правовой нормой³¹. Не случайно виды аргументации производны от методов толкования³².

Для суда интеграционного объединения ключевым инструментом восполнения пробелов в действующем праве через интерпретацию правовых норм становится телеологический метод, правовой предпосылкой которого служит указание в п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров³³ на толкование международного договора в свете его объекта и целей³⁴.

В европейской правовой доктрине отмечается, что в ситуации, когда учредительные Договоры ЕС содержат нормы, изложенные в весьма широких формулировках, а вторичное право, напротив, высокотехнично, для заполнения пробелов между подобными крайностями у Суда ЕС нет иного выбора, кроме принятия во внимание целей Договоров³⁵.

Отличительной особенностью реализации дискреции судом интеграционного объединения служит принятие ими в качестве отправной точки интерпретации не цели конкретной нормы или правового акта, в который она включена, а общей цели, для достижения которой создано объединение государств и функционирует его правовой порядок, — цели интеграции. Толкование на основе цели интеграционного объединения наиболее полно исследовано на примере ЕС и именуется мета-телеологическим³⁶.

Учитывая, что общепринятой практикой является указание в учредительных актах интеграционных объединений целей правового регулирования,

²⁴ См.: О.Ж. L 001. 04.01.2003.

²⁵ Исполинов А. С. Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза // Международное правосудие. 2016. № 1 (17). С. 86.

²⁶ См.: Энтин К., Пиркер Б. Свободное движение лиц в ЕАЭС: между *Civis Eurasiaticus* и *Homo Oeconomicus* // Международное правосудие. 2020. № 1 (33). С. 83, 84.

²⁷ См.: Дьяченко Е. Б. Судебный активизм и его роль в практике международных судов. С. 110, 111.

²⁸ См.: там же. С. 116.

²⁹ См.: там же. С. 111.

³⁰ См.: Лукашук И. И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 1: Заключение международных договоров. М., 2004; Gardiner R. Treaty Interpretation: second edition. Oxford, 2015. P. 29.

³¹ См.: Feteris E. T. Op. cit. P. 9.

³² См.: MacCormick D. N., Summers R. S. Interpreting statutes. A comparative study. Dartmouth, 1991. P. 10–12.

³³ См.: Ведомости ВС СССР. 1986. № 37, ст. 772.

³⁴ См.: Лукашук И. И. Указ. соч.; Gardiner R. Op. cit. P. 211.

³⁵ См.: Pescatore P. Les objectifs de la Communauté européenne comme principes d'interprétation dans la jurisprudence de la Cour de justice // *Miscellanea W. J. Ganshof van der Meersch*. Vol. 2. Bruxelles, 1972. P. 325–363.

³⁶ См.: Beck G. Judicial Activism in the Court of Justice of the EU // *University of Queensland Law Journal*. 2019. Vol. 36. No. 2. P. 339, 340.

толкование с их учетом представляет собой наиболее полную реализацию судебными органами воли создателей договоров. В рассматриваемом случае интерпретация на основе цели, закрепленной в тексте учредительного акта, является максимально точной, защищает суд от неверного понимания намерений авторов договоров.

Анализ учредительных договоров интеграционных объединений показывает, что среди поименных в них целей упомянуты экономическая интеграция и защита прав человека³⁷.

Проведенный анализ позволяет сформулировать вывод, в силу которого основу судебной дискреции составляют действующие нормы права интеграционного объединения, общепризнанные принципы и нормы международного права, в то время как цели интеграционного объединения представляют собой границы дискреции его суда.

Договор о ЕАЭС демонстрирует последовательное развитие в его тексте целей Союза: универсальная цель интеграции, зафиксированная в преамбуле, в ст. 4 рассматривается в свете трех основных целей Союза: создания условий для стабильного развития экономик государств-членов, стремления к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС, а также всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик³⁸. В дальнейшем данные цели преломляются сквозь призму отдельных сфер правоотношений, урегулированных правом Союза, и приобретают специальный характер. К примеру, в консультативном заключении по делу о способах обеспечения государственных закупок³⁹ Суд ЕАЭС указал, что «реализации обозначенных в статье 4 Договора целей... способствуют закрепленные в статье 88 Договора цели и принципы регулирования государственных (муниципальных) закупок». Схожим образом в области регулирования финансовых рынков цель создания в рамках ЕАЭС общего рынка капитала в п. 1 ст. 70 Договора о Союзе детализируется в виде целей создания общего финансового рынка и недискриминационного доступа на финансовые рынки государств-членов, создания условий для взаимного признания лицензий в банковском и страховом

секторах. Изложенное свидетельствует, что Договор о ЕАЭС представляет собой инструмент, максимально приспособленный для телеологического толкования.

В доктрине применительно к практике Суда ЕС отмечается, что его знаковые решения (*Van Gend*⁴⁰, *Costa v ENEL*⁴¹, *Internationale Handelsgesellschaft*⁴², *Nold*⁴³ и *Francovich*⁴⁴) сформулированы на основе мета-телеологического толкования. Указывается, что при аргументации упомянутых решений Суд ЕС действовал вне какой-либо текстуальной поддержки, фактически не располагая нормами Договоров, которые мог бы подвергнуть буквальному толкованию⁴⁵. Вероятно, именно пробельность права интеграционного объединения, не позволяющая применить традиционные методы толкования и требующая восполнения правовых лакун исходя из духа и целей учредительных договоров, привела к созданию активистских позиций, каждая из которых приобрела характер прецедента⁴⁶.

Телеологическое толкование в актах Суда ЕАЭС

Анализ правовых позиций Суда ЕАЭС, исходя из представлений о том, что целями, позволяющими установить применение мета-телеологического метода толкования, являются защита прав человека и развитие интеграции, дает нам возможность назвать среди активистских подходов Суда, выработанных на основе мета-телеологической интерпретации, консультативные заключения по делам о профессиональных спортсменах⁴⁷, о пенсиях⁴⁸, о способах обеспечения государственных закупок, а также решение Коллегии Суда по делу ООО «Ойл Марин Групп»⁴⁹.

Сформулированная в консультативном заключении по делу о профессиональных спортсменах

⁴⁰ См.: Суд ЕС. Решение от 05.01.1963 г. по делу C-26/62 *Van Gend en Loos*. EU: C:1963:1.

⁴¹ См.: Суд ЕС. Решение от 15.07.1964 г. по делу C-6/64 *Costa v ENEL*. EU: C:1964:66.

⁴² См.: Суд ЕС. Решение от 17.12.1970 г. по делу C-11/70 *Internationale Handelsgesellschaft*. EU: C:1970:114.

⁴³ См.: Суд ЕС. Решение от 14.05.1974 г. по делу C-4/73 *Nold KG v Commission*. EU: C:1974:51.

⁴⁴ См.: Суд ЕС. Решение от 19.11.1991 г. по делу C-60/90 *Francovich and Bonifaci v Italy*. EU: C:1991:428.

⁴⁵ См.: *Beck G*. Op. cit. P. 342.

⁴⁶ См.: *Дьяченко Е.* Судебный активизм и его роль в практике международных судов. С. 115.

⁴⁷ См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 07.12.2018 г. по делу о профессиональных спортсменах (дело № СЕ-2-2/5-18).

⁴⁸ См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 20.12.2018 г. по делу о пенсиях (дело № СЕ-2-2/7-18).

⁴⁹ См.: Суд ЕАЭС. Решение Коллегии Суда от 11.10.2018 г. по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» (дело № СЕ-1-2/4-18).

³⁷ См.: преамбула Договора о ЕАЭС, преамбула Договора о ЕС, преамбула Картахенского соглашения об Андской субрегиональной интеграции, преамбула Договора об Экономическом сообществе западноафриканских государств, п. «а» ст. 4 Договора об учреждении Карибского сообщества.

³⁸ См.: *Чайка К.Л.* Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал рос. права. 2020. № 5. С. 152.

³⁹ См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 22.11.2022 г. по делу о способах обеспечения государственных закупок (дело № СЕ-2-2/1-22).

позиция, согласно которой ограничения реализации трудовой функции трудящихся должны соответствовать принципу пропорциональности, основана на стремлении реализовать цель евразийской интеграции. Несмотря на то что анализируемый судебный акт не содержит ссылку на цель формирования единого рынка трудовых ресурсов, то обстоятельство, что выводу о соблюдении принципа пропорциональности предшествуют толкование п. 2 ст. 97 Договора о Союзе, устанавливающего запрет введения и применения государствами законодательных ограничений в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, и утверждение о наличии у государств дискреции в определении мер национальной безопасности и общественного порядка⁵⁰, позволяет заключить, что реализация дискреции государств и соблюдение запрета на принятие ограничительных мер балансируется интересами интеграции в виде свободного движения трудящихся. В доктрине отмечается, что консультативное заключение насыщено толкованием исходя из целей внутреннего рынка⁵¹.

Наиболее полно обращение к целям Союза и их детализация в рамках отраслевого регулирования аргументированы в консультативном заключении по делу о способах обеспечения в государственных закупках. Отсылка к «интеграционному характеру Договора и основным целям Союза», а также их уточнение через закрепленные в ст. 88 Договора цели в сфере государственных закупок позволили Суду обосновать вывод о необходимости законодательного закрепления во всех государствах-членах единых способов обеспечения. Особое значение данного акта заключается в том, что в нем не только впервые в своей практике Суд использовал интеграционные цели, но интерпретационная логика Суда впервые столь подробно аргументирована. Для иллюстрации данного утверждения обратимся к решению Коллегии Суда по делу ООО «Ойл Марин Групп», в котором установлено нарушение Комиссией Договора о Союзе в результате ее отказа осуществить мониторинг соблюдения государствами-членами права ЕАЭС по обращению хозяйствующего субъекта, подтвердившего, что в одной из национальных правовых систем действуют нормы, не соответствующие международным договорам Союза. Позиция Суда об обязанности Комиссии проводить мониторинг правоприменительной практики основана на телеологическом толковании права ЕАЭС. В решении

прямо указано: «непосредственное применение права Союза в сферах, отнесенных Договором к его юрисдикции, формирование в государствах-членах единообразной правоприменительной практики, исключение негативных правовых препятствий направлено на достижение *интеграционных целей Союза*». Несмотря на то что универсальная цель интеграции в рассматриваемом деле является основой для формулирования правовой позиции Суда⁵², ее аргументация представляется недостаточной.

Обращаясь ко второй из обозначенных целей интеграционных объединений — защите прав человека и основных свобод, остановимся на консультативном заключении по делу о пенсиях. В данном акте в качестве мета-цели интеграционного объединения рассматривается положение преамбулы Договора о том, что учреждению Союза сопутствует «необходимость безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина». Указанное правоустановление во взаимосвязи с представлением о том, что, несмотря на интеграционные процессы в ЕАЭС, правовое положение лиц из разных государств-членов не подлежит ухудшению, послужило основанием для вывода Суда о том, что уровень прав и свобод человека и гражданина, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах. Примечательно, что формулированию данной правовой позиции не предшествует какая-либо аргументация, кроме упоминания содержания преамбулы Договора о ЕАЭС. Тем не менее представляется, что цель интеграции, хотя и не упомянута в тексте судебного акта, подразумевается при его прочтении.

Зависимость правовой аргументации от объема судебной дискреции

Исследование взаимосвязей между реализацией судебной дискреции и применением телеологического толкования позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой в ситуации восполнения правового пробела с опорой на цели интеграционного правового порядка судебные акты отличает наиболее полная аргументация. Подобное явление закономерно, поскольку в отсутствие текстуальной поддержки нормами действующего закона и осуществления его интерпретации исключительно на основе целевой направленности соответствующего регулирования полнота обоснования правовой позиции предопределяет ее восприятие национальными и наднациональными акторами.

Данный вывод наглядно подтверждает решение Суда ЕС по делу *Van Gend*. Суд ЕС, обосновывая

⁵⁰ См.: Энтин К. Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2022. № 2 (42). С. 77.

⁵¹ См.: Pirker B., Entin K. Bosman's second life? The Eurasian Economic Union Court and the free movement of professional athletes // Legal issues of economic integration. 2019. Vol. 46. No. 2. P. 133.

⁵² См.: Дьяченко Е. Б. Судебный активизм и его роль в практике международных судов. С. 122.

прямое действие права интеграционного объединения, приводит пять аргументов, каждый из которых подробно раскрывается. В числе данных аргументов: указание на формирование «нового международного правопорядка»; анализ характеристик толкуемой нормы и вывод о том, что она содержит ясное и безусловное негативное обязательство, применение которого не может быть ограничено какими-либо оговорками со стороны государств и не требует их вмешательства; обоснование того факта, что признание государств субъектами негативного обязательства не исключает для граждан возможности ссылаться на данное обязательство; тезис о необходимости предоставить частным лицам право инициировать иск против государства-члена в качестве гарантии правовой защиты индивидуальных прав; утверждение, что «бдительность заинтересованных частных лиц, направленная на защиту своих прав», приводит к осуществлению действенного контроля за исполнением права ЕС со стороны государств-членов⁵³. Анализ мотивировочной части решения Суда ЕС свидетельствует, что, хотя каждый из данных аргументов в отдельности может быть подвергнут критической оценке, в совокупности они достигают заявленной цели — обоснования наличия у права интеграционного объединения свойства прямого действия.

Подробная аргументация решения, в котором установлены новые для права интеграционного объединения правовые категории, значима не только с доктринальной точки зрения, но и с практической. Убедительность обоснования повлияла на восприятие идеи о прямом действии права ЕС как его государствами-членами, так и институтами.

Как следует из консультативных заключений по делам *о профессиональных спортсменах, о пенсиях, о принципе non bis in idem* и решение Коллегии Суда по делу *ООО «Ойл Марин Групп»*, обращение Суда ЕАЭС к телеологическому толкованию в большинстве случаев не сопровождается обоснованием. Исключением стало консультативное заключение по делу *о способах обеспечения государственных закупок*, в котором позиция об обязательности установления в национальном законодательстве способов обеспечения заявки на участие в закупке, предусмотренных правом Союза, подкреплена последовательным анализом целей Союза.

Выводы

Отличительной чертой правопорядков интеграционных объединений является их пробельность, которая в большинстве случаев носит рукотворный характер, будучи способом преодолеть невозможность согласования нормы права Союза

государств в тексте соответствующего международного договора.

Наличие в институциональной структуре регионального интеграционного объединения судебного органа и возможность принятия таким объединением актов вторичного права позволяет преодолеть правовой пробел как на уровне судебной практики, способной приобрести характер прецедента, так и в нормативном правовом акте, принятом органом интеграционного объединения.

Судебная дискреция приобретает определяющее значение в ситуации такого толкования права интеграционного объединения, которое имеет целью восполнение правовых лакун. Основой реализации дискреции становятся действующие нормы интеграционного законодательства, общепризнанные принципы и нормы международного права. Границы судебного усмотрения формируются целями интеграционного правопорядка, к числу которых относится общая направленность международных договоров на интеграцию государств, а также защита прав человека и основных свобод. Указанные цели являются основой применяемого судами интеграционных объединений телеологического метода толкования.

Учитывая осуществление телеологической интерпретации в отсутствие текстуальной поддержки в интересах восприятия сформулированных судом интеграционного объединения правовых позиций институтами соответствующего объединения и государствами-членами, целесообразно приведение в мотивировочной части судебного акта подробно обоснования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 12, 68–119.
2. Берг Л. Н. Проблема судебного усмотрения в аспекте компаративистики // Академический юрид. журнал. 2007. № 4. С. 4–9.
3. Дьяченко Е. Рабы прошлого, деспоты будущего? Прецедент как форма аргументации в судах интеграционных объединений // Международное правосудие. 2022. № 3 (43). С. 52, 53.
4. Дьяченко Е. Судебный активизм и его роль в практике международных судов // Международное правосудие. 2020. № 2 (34). С. 107, 110, 111, 115, 116, 122.
5. Исполинов А. С. Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза // Международное правосудие. 2016. № 1 (17). С. 86.
6. Клеандров М. И. О судейском усмотрении // Росс. правосудие. 2007. № 6 (14). С. 4–16.
7. Клеандров М. И. Философия права и правосудие // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под ред. А. Н. Савенкова. М., 2019. С. 171, 172.

⁵³ См.: Суд ЕС. Решение от 05.01.1963 г. по делу C-26/62 Van Gend en Loos. P. 12, 13.

8. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 1: Заключение международных договоров. М., 2004.
9. Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012.
10. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 19.
11. Телятников В.И. Убеждение судьи. СПб., 2004. С. 94.
12. Чайка К.Л. Защита прав частных лиц при применении норм права Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений // Вестник РТА. 2020. № 4. С. 26.
13. Чайка К.Л. Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал рос. права. 2020. № 5. С. 152.
14. Шинкаревая Г.Г. Международные судебные органы и развитие международного права // Росс. правосудие. 2009. № 1 (33). С. 45.
15. Энтин К. Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2022. № 2 (42). С. 77.
16. Энтин К., Пиркер Б. Свободное движение лиц в ЕАЭС: между *Civis Eurasiaticus* и *Homo Oeconomicus* // Международное правосудие. 2020. № 1 (33). С. 83, 84.
17. Beck G. Judicial Activism in the Court of Justice of the EU // University of Queensland Law Journal. 2019. Vol. 36. No. 2. P. 339, 340.
18. Bengoetxa J. The legal reasoning of the European Court of Justice: towards a European jurisprudence. Oxford, 1993. P. 168.
19. Canor I. The limits of judicial discretion in the European Court of Justice. Baden-Baden, 1998. P. 20, 21.
20. Dworkin R. Law's empire. London, 1986. P. 95, 96.
21. Feteris E. T. Fundamentals of Legal Argumentation: A Survey of Theories on the Justification of Judicial Decisions. NY, 2017. P. 3, 4, 9, 10.
22. Gardiner R. Treaty Interpretation: second edition. Oxford, 2015. P. 29, 211.
23. Hart H. M., Sacks A. M. The legal process: basic problems in the making and application of law. Cambridge, 1958. P. 162.
24. Hartley T. C. Five forms of uncertainty in European Community Law // Cambridge Law Journal. 1996. Vol. 55. No. 2. P. 265–274.
25. Hawkins D. G., Lake D. A., Nielson D. L., Tierney M. J. Delegation under anarchy: states, international organisations and principal-agent theory // Delegation and agency in international organisations / ed. by D. G. Hawkins, D. A. Lake, D. L. Nielson, M. J. Tierney. Cambridge, 2006. P. 17.
26. Jesse M., Carter D. W. Life after the 'Dano-Trilogy': Legal Certainty, Choices and Limitations in EU Citizenship Case Law // European Citizenship under Stress / ed. by N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. Leiden, 2020. P. 151.
27. MacCormick D. N., Summers R. S. Interpreting statutes. A comparative study. Dartmouth, 1991. P. 10–12.
28. Pescatore P. Les objectifs de la Communauté européenne comme principes d'interprétation dans la jurisprudence de la Cour de justice // *Miscellanea W.J. Ganshof van der Meersch*. Vol. 2. Bruxelles, 1972. P. 325–363.
29. Pirker B., Entin K. Bosman's second life? The Eurasian Economic Union Court and the free movement of professional athletes // Legal issues of economic integration. 2019. Vol. 46. No. 2. P. 133.

REFERENCES

1. Barac A. Judicial discretion. M., 1999. P. 12, 68–119 (in Russ.).
2. Berg L. N. The problem of judicial discretion in comparatives // Academic law journal. 2007. No. 4. P. 4–9 (in Russ.).
3. Diyachenko E. Slave of the past, tyrant of the future? Judicial precedent as a form of legal argumentation in the case-law of integration courts // International Justice. 2022. No. 3 (43). P. 52, 53 (in Russ.).
4. Diyachenko E. Judicial activism and its role in case-law of international courts // International justice. 2020. No. 2 (34). P. 107, 110, 111, 115, 119, 122 (in Russ.).
5. Ispolinov A. S. Judicial activism and judicial rule-making of the Court of Justice of the European Union // International Justice. 2016. No. 1 (17). P. 86 (in Russ.).
6. Kleandrov M. I. About judicial discretion // Russian Justice. 2007. No. 6 (14). P. 5 (in Russ.).
7. Kleandrov M. I. Philosophy of Law and justice // Transformation of the legal paradigm in the civilization development of mankind: reports of the RAS members / ed. by A. N. Savenkov. M., 2019. P. 171, 172 (in Russ.).
8. Lukashuk I. I. Modern law of international treaties: in 2 vols. M., 2004. Vol. 1 (in Russ.).
9. Law in the joint world / ed. by S. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. M., 2012.
10. Savenkov A. N. The state and law in the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 19 (in Russ.).
11. Telyatnikov V. I. Conviction of the judge. SPb., 2004. P. 94 (in Russ.).
12. Chayka K. L. Legal certainty as a criteria for the validity of the decisions of the Eurasian economic commission on the classification of a particular commodity // Herald of the Russian customs academy. 2020. No. 4. P. 26 (in Russ.).
13. Chayka K. L. The role of the EAEU common values in the formation and development of the integration association's law // Journal of Russian law. 2020. No. 5. P. 152 (in Russ.).
14. Shinkareckaya G. G. International judicial bodies and the development of International Law // Russian Justice. 2009. No. 1 (33). P. 45 (in Russ.).
15. Entin K. General principles of integration law as a secret weapon of the CJEU and of the Eurasian Economic Union Court // International justice. 2022. No. 2 (42). P. 77 (in Russ.).
16. Entin K., Pirker B. Free movement of people in the EAEU: between *Civis Eurasiaticus* and *Homo Oeconomicus* // International Justice. 2020. No. 1 (33). P. 83, 84 (in Russ.).

17. *Beck G.* Judicial Activism in the Court of Justice of the EU // *University of Queensland Law Journal*. 2019. Vol. 36. No. 2. P. 339, 340.
18. *Bengoetxa J.* The legal reasoning of the European Court of Justice: towards a European jurisprudence. Oxford, 1993. P. 168.
19. *Canor I.* The limits of judicial discretion in the European Court of Justice. Baden-Baden, 1998. P. 20, 21.
20. *Dworkin R.* Law's empire. London, 1986. P. 95, 96.
21. *Feteris E. T.* Fundamentals of Legal Argumentation: A Survey of Theories on the Justification of Judicial Decisions. NY, 2017. P. 3, 4, 9, 10.
22. *Gardiner R.* Treaty Interpretation: second edition. Oxford, 2015. P. 29, 211.
23. *Hart H. M., Sacks A. M.* The legal process: basic problems in the making and application of law. Cambridge, 1958. P. 162.
24. *Hartley T. C.* Five forms of uncertainty in European Community Law // *Cambridge Law Journal*. 1996. Vol. 55. No. 2. P. 265–274.
25. *Hawkins D. G., Lake D. A., Nielson D. L., Tierney M. J.* Delegation under anarchy: states, international organisations and principal-agent theory // *Delegation and agency in international organisations* / ed. by D. G. Hawkins, D. A. Lake, D. L. Nielson, M. J. Tierney. Cambridge, 2006. P. 17.
26. *Jesse M., Carter D. W.* Life after the 'Dano-Trilogy': Legal Certainty, Choices and Limitations in EU Citizenship Case Law // *European Citizenship under Stress* / ed. by N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. Leiden, 2020. P. 151.
27. *MacCormick D. N., Summers R. S.* Interpreting statutes. A comparative study. Dartmouth, 1991. P. 10–12.
28. *Pescatore P.* Les objectifs de la Communauté européenne comme principes d'interprétation dans la jurisprudence de la Cour de justice // *Miscellanea W. J. Ganshof van der Meersch*. Vol. 2. Bruxelles, 1972. P. 325–363.
29. *Pirker B., Entin K.* Bosman's second life? The Eurasian Economic Union Court and the free movement of professional athletes // *Legal issues of economic integration*. 2019. Vol. 46. No. 2. P. 133.

Сведения об авторе

ДЬЯЧЕНКО Екатерина Борисовна —
кандидат юридических наук,
советник судьи Суда Евразийского
экономического союза;
220006 Республика Беларусь,
г. Минск, ул. Кирова, д. 5;
старший научный сотрудник сектора
международного права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

DIYACHENKO Ekaterina B. —
PhD in Law,
Counselor of the Judge,
Court of the Eurasian Economic Union;
5 Kirova str., 220006 Minsk,
Republic of Belarus;
Senior Researcher
of the International Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia